

«Второстепенные люди»: в человеке все должно быть прекрасно...

Марш энтузиастов: постсоветская версия

Известие - 2001 -
- 16 мая - с. 8.

«Второстепенные люди»
Киры Муратовой в Москве

Киру Муратову мы всегда считали нашим режиссером. Теперь ее фильмы приходят к нам из-за границы, хотя они по-прежнему о нас. Можно передвигать государственные границы, но менталитет общества остается единым. Запоздалая московская премьера «Второстепенных людей» — диагноз для всей одной шестой части суши.

Валерий КИЧИН

Считать Муратову человеком артхауса — значит ее обидеть. Ее меньше всего волнуют формальные приемы, и она не озабочена поисками своего киноязыка. Говорит как может и как умеет, ничего не формулирует и не декларирует — просто делает свое кино, как другие пишут стихи. Ваш кинообозреватель уже рассказывал о премьере картины на Берлинском фестивале 2001 года. Там, если помните, «Второстепенные люди» вызвали разноречивые отклики — в том числе и вздохи разочарования: опять та же песня!

Правильно: та же песня. Весь кинематограф Муратовой — как один фильм с продолжением. Он развивается вместе с развитием жизни и вместе с ней буксует. Смотреть его — как рассматривать свою же рентгенограмму: ну что там новенького с родимым скелетом, долго ль еще не расплывется?

Фирменный стиль Муратовой — это действие, которое никуда не движется, это диалоги, которые заедает, как испорченную пластинку. Это выморочные персонажи, в которых, однако, то и дело узнаешь своего соседа и даже, увы, самого себя — одержимые пустыми хлопотами, бессмысленной суетой, поглощенные бытовым абсурдом. Это «черный юмор», который тоже не придуман к случаю, а возникает спонтанно и постоянно, ибо такова природа ее взгляда на мир. Это вечный пережим — в педалированной, словно для непонятливых, актерской манере, в повторах одной и той же бестолковой реплики. Это мир, который либо покачивается на тонких белесых ножках, либо расплывается от тупого самодовольного ожирения; он плохо ориентируется в пространстве и среди других миров стоит наособицу. Это полное отсутствие каких бы то ни было моралите, хотя в отборе материала есть очень жесткая, непоколебимая система нравственных оценок — единственное, что держит фильмы и скрепляет их разрозненные образы в художественную целостность.

Оценки по-мужски суровы и по-женски простодушны. В кино Киры Муратовой много постоянных лейтмотивов; один из них — почти неперемнная параллель мира людей с миром животных, причем второй не только несправедливо страдает от первого, но и неизмеримо выше его, чище и благороднее. В ее программном фильме 1989 года «Астенический синдром» вне всякого сюжета нас вдруг ведут к клеткам, где бездомные собаки тоскливо ждут смертного часа — эта томительная, долгая, мучительная сцена там первой врезалась в память: собачьи глаза были полны той сугубо человеческой полнотой и безумной надежды на добро, к каким решительно неспособны двуногие герои картины.

Муратова тогда говорила, что эти эпизоды с животными она отныне будет постоянно встав-

лять в свои фильмы — пусть поперек сюжета, пусть без видимой надобности. Ей нужен был живой укор, противовес, камертон. Некоторое время вставляла, потом перестала — сценой из «Астенического синдрома» все равно теперь поверяешь все, что она нам показывает.

Как и все ее фильмы последних десятилетий, «Второстепенные люди» кажутся импровизацией, и действуют там более типажно, чем актеры. Говорю это в похвалу малоизвестным, но замечательным артистам, которых она снимает, — здесь высший пилотаж цепкой наблюдательности и колоритность характеров, какую встречаешь только в феериях Феллини. Этой колоритности, этой выразительности хватает, чтобы в мимолетном кадре дать судьбу, причем даже не конкретного персонажа, а целого социального слоя и его времени. «Второстепенные люди» — мир «новых украинцев», и он ничем не лучше канонического мира «новых русских» — того постсоветского абсурда, что ежевечерне предстает в куриной ментальности наших сериалов. Роскошные фасады вилл и грязь, пьянь и человеческая бездарность внутри. Врач-коновал, опасная для окружающих милиция, наштукатуренные бабы, оружие свиньи, грузины в белых кабриолетах, психи и достойные их психиатры, бесхозные трупы, которым не положено упокоение, — всё смешалось в безумном марше бывших советских энтузиастов, у которых отключили ток, и они корчатся в остаточных конвульсиях. Во «Второстепенных людях» Муратова даже позволяет себе то ли пародию, то ли род капустника, где оптимистичные песнопения герлухи Веры, как и целующаяся обезьяна (самый животный человек картины), в сущности, служат все тем же противовесом смурной реальности — только уже не скорбно патетическим, а полным веселого разлюли-отчаяния, какое возникает на краю. Кира Муратова достигла того уровня художественного сознания, когда ей решительно все равно, что подумают про ее кино и про ее позиции в жизни, — она совершенно отстранена от мира, она его видит и оценивает как слетевшая на Землю марсианка или как ребенка, взирающий на окружение свежими изумленными глазами. Она относится к этому миру с чуть брезгливой любовью. Но приговоры ее лаконичны и подобны афоризмам, острым и точным, беспощадным: «Каждый физкультурник должен знать свою перекладину», «Ужасно быть живым, но еще ужаснее — быть мертвым».

На свою премьеру в Москву она приехать обещала, но не приехала, как обещала и не приехала на премьеру в Берлин полтора года назад. По большому счету эти премьеры, а также отсутствующие интервью, аплодисменты и глупые эстетские реплики из зала ей неинтересны. Она уже делает новый фильм — монтирует, тонирует. Это ее способ жить, дышать и говорить с вечностью.